

ТЕОДОР МОММЗЕН (1817–1903 гг.)*

Говорить о Моммзене – значит говорить о судьбах изучения античности за последние три четверти века в Германии, в той стране, которая была в конце XVIII и в XIX вв. носителем так называемого германского возрождения, не менее плодотворно в своих результатах, чем то, носительницами которого были Италия и Франция. Одной из основных частей этого возрождения было более глубокое и более полное понимание античности: Востока, Греции и Рима, т.е. тех семян, из которых вырос могучий лес современной культуры, понимая под этим словом и государственность, и социальный строй, и науку, и нравственность. Это понимание в свою очередь открывает нам глаза на самих себя и на современность, сталкивает нас с основами и элементами нашего бытия, с теми эмбрионами, из которых выросло наше внутреннее «я», дает стройный и прозрачный набросок тех устоев и идей, на которых покоится современность, или лучше – дает нам контуры той богатой формами и красками картины, которая ежедневно частями проходит перед нами и носит имя эволюции современности. Только зная, как и почему входили элементы и идеи античности в современность, как перерабатывал и впитывал их наш мир, как постепенно или внезапно выделялись одни и отходили на задний план другие, и с другой стороны, зная, как постепенно научались мы улавливать эти идеи в нашем предании об античном мире, только зная это, мы вправе будем сказать, что действительно идем к пониманию современности совершенно также, как только зная и понимая жизнь протоплазмы мы вправе говорить об организмах и законах их бытия.

Правда, Моммзен занимался специально только одной эпохой в жизни античности и одним из античных государственных образований – Римом, но его гений царил и в других ее областях, его методы находили себе применение и в области изучения греческого мира, его энергия руководила рядом научных предприятий, выходящих за пределы его специальности. Он являлся лучшим доказательством единства античного мира, соединяя в своем научном синтезе явления эллинизма и романизма в их взаимодействии на пути создания античной культуры.

Центром жизни Моммзена всегда была научная деятельность, ею он главным образом воодушевлялся, она руководила им в его взглядах и мировоззрении; говорить о Моммзене значит прежде всего говорить о полной, богатой и многосторонней научной жизни, значит говорить о самой науке в ее поступательном движении.

Но, говоря о Моммзене, все-таки нельзя говорить только о науке и только о далеком прошлом. Значительной частью своего бытия Моммзен стоял в русле современного движения, как общественный деятель и работник первостепенного значения. То, что он узнал, изучая корни современности в антике, он не хранил про себя и не сообщал в виде теоретических построений, а стремился приложить к окружающей его жизни, желая направить ее туда, куда звали ее, по его мнению, законы мировой эволюции.

Моммзен был детищем того бурного периода в жизни германства, когда оно сбрасывало с себя цепи абсолютизма путем революций и деятельной ежедневной оппозиционной работы, и он навсегда остался противником абсолютизма и борцом против него, определенным сторонником демократии в формах народного представительства. Эту тенденцию проявлял он и в своей парламентской деятельности и еще сильнее в первый период своей жизни, когда благодаря борьбе с абсолютизмом он временно принужден был покинуть кафедру на родине и искать приюта и места для деятель-

* Мир Божий. Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования. 1904. № 2. С. 1–12.

ности в Швейцарии. Эта тенденция сквозит и в его произведениях, главным образом в наиболее индивидуальном и художественном из них – в его римской истории.

Не менее тесно связан был Моммзен и с другой идеей эпохи создания великой Германии, – с идеей необходимости создания единого национального германского государства, которое должно было сделаться, в представлениях создававших его, носителем великой германской культуры, именно германской, а не немецкой, так как Моммзен, по крайней мере, ни на минуту не исключал из великой Германии будущего равноправной англосаксонской сестры. Эта идея великой германской культуры и государства, созданная германством эпохи борьбы за государство и культуру, сделала Моммзена, если хотите, националистом и закрыла ему глаза на возможность смены германства другой нацией и на призрак далекого будущего – единое денационализованное культурное человечество. Романские нации отжили, славянство – для Моммзена, ученого по преимуществу, – не внесло в мировую науку нового творческого элемента, и Моммзен, воспитанный на крови и железе Рима и Германии, не видел всего ужаса применения их к устранению препятствий с дороги, по которой победоносно двигалась культурная Германия.

Но националистом узким и близоруким Моммзен никогда не был, и политика постоянного насилия была ему глубоко антипатична. Недаром он, будучи депутатом в рейхстаге, упорно боролся с Бисмарком, и не одна смелая и прямая речь его открыто осуждала политику железного канцлера; недаром в моменты разгара антисемитизма он, лучшие ученики которого принадлежали еврейской национальности, открыто выступал в беседах и брошюрах против врагов еврейства, не только осуждая их политику насилия, но и высказываясь за необходимость и желательность слияния элемента арийского с семитическим.

Везде перед ним прежде всего стоял культурный идеал, всегда он боролся и ратовал за свободу – свободу гражданства, свободу мысли, свободу слова и пера, резца и кисти. Уже маститым старцем поднялся он на защиту этих идеалов, когда им грозила опасность от повышенной стыдливости некоторых влиятельнейших руководителей германской политики.

Политическая деятельность Моммзена, которой мы должны были коснуться, желая воссоздать образ Моммзена как человека, а не только как научного фактора, стояла, однако, как было сказано, далеко не в центре его деятельности. Не центром была для него и другая форма общественного служения – передача знаний с профессорской кафедры: учеников у него было много, слушать его съезжались со всей Германии, более – со всего культурного мира, лекции его и в особенности практические занятия были полны обаятельности, но не они все-таки были главным стимулом его жизни. Более дома чувствовал он себя, насколько я могу судить по беседам с его друзьями и учениками, в академии, чем в университете, за своим письменным столом или среди камней и монет музеев, чем на кафедре. Наука и научный прогресс захватывали его целиком и приковывали десятками часов к книгам, памятникам, перу и бумаге. Характеристика Моммзена должна поэтому исходить из его научной деятельности и к ней же возвращаться. Исчерпывающей она, однако, быть не может, так как неисчерпаем запас научных идей и новых точек зрения, неисчерпаема и неуловима подчас тонкость и сила его научного анализа, бесконечно разнообразие его комбинаторского таланта. То, что здесь будет сказано, заранее обречено в силу этого быть лишь намеком на характеристику без всякой претензии ни на внутреннюю, ни на внешнюю полноту.

По образованию Моммзен был юристом, юристом той школы, которая сблизила юриспруденцию с историей, применив к ней исторический метод. Основателем этой школы был Savigny и по его пути пошел с первых шагов и Моммзен. Изучение римского гражданского права – основы права всех почти современных держав – было и осталось главным объектом изучения ученых юристов: в этой области работали крупнейшие из плеяды юристов исторической школы (в области римского права) и сам Savigny, и Пухта, и Рудорф, и Пернис, и Митуйеис. Область права государственного и даже уголовного издавна находилась в ведении историков, филологов и антикваров.

Острота и точность юридического анализа, глубина и прозрачность определений и терминологии, систематизация явлений под определенные юридические понятия – все это было достоянием юристов и гражданского права Рима, и всего этого не было среди филологов и антикваров, создававших из обломков государственное и отчасти уголовное право римской республики и империи. А между тем эта точность и прозрачность были настоятельно необходимы для понимания основ римского государственного строя, без чего Рим и его мировая задача оставались почти полной загадкой, оставалось загадкой, как и почему Рим объединил около себя мир, как и почему на развалинах и основах римской государственности выросли и развились новые государственные образования Западной Европы. Необходима была такая же точная система римского государственного права, какая создана была и создавалась для права гражданского. Дело создания такой системы было, однако, бесконечно сложно и трудно. Для гражданского права существовал разнообразный юридический материал, уже приведенный в систему римскими юристами с их удивительной точностью и полнотой, ничего подобного государственное право не имело, материал приходилось собирать отовсюду по отдельным крупинкам, искать его там, где на первый взгляд его и быть не могло. В гражданском праве существовала благодаря усилиям и римских юристов, и ученых новейшего времени определенная строгая терминология – для государственного права ее надо было еще создать. Гражданское право, хотя и стоит в теснейшей связи со всем укладом социальной, экономической и государственной жизни, эволюционируя вместе с ними, все же изучалось и может изучаться и чисто теоретическим путем, и изучение это может быть полезным и плодотворным для выработки основных гражданско-правовых понятий – государственное право так тесно связано с историей государства – политической, социальной, экономической и культурной – что теоретическое изучение его немислимо.

Несмотря на указанную колоссальную трудность задания, Моммзен, пройдя строгую юридическую школу и одновременно с этим школу филолого-антикварную, берет за ее разрешение. С первых шагов его деятельности, как можно видеть по содержанию его первых работ, она направляется на разработку отдельных государственно-правовых вопросов.

Но уже первые шаги показали, что для успешного разрешения великой задачи нужно многое и многое. Нужно было прежде всего собрать, проверить и очистить от сора веков материал, и притом материал не только государственно-правовой, но и исторический. С первых моментов ясно было, что, только проследив шаг за шагом за эволюцией римского государства и римского общества, можно будет думать о создании системы и выделении основ римского государственного права: надо было создать историю Рима, т.е. пересоздать то, что было сделано, но с новых точек зрения и на основании нового материала.

Тот, кому когда-либо приходилось иметь дело с историческими построениями, знает, что, как ни велика гениальность строящего, постройка, возведенная им, рискует остаться воздушным замком, если она не стоит на прочном фундаменте достоверного и критически проверенного материала. Мало того, самая солидная на первый взгляд постройка, если только окажется, что два-три основных камня в ней не твердый гранит, а легко выветривающийся песчаник, или что ключевые камни сводов обладают внутренним недостатком, лопаются и рассыпаются, неминуемо должна рушиться и погибнуть. То же и в истории: первым делом историка является собрать возможно большее количество материала, вторым – рассортировать его по степени достоверности в зависимости от времени возникновения и большей или меньшей документальности, третьим – подвергнуть каждый факт ряду строжайших критических опытов, и только тогда начинается сопоставление однородного, создание общих схем эволюции и, как отдаленная и наиболее трудно достижимая цель, – выделение законов исторического развития. Не меняется дело и тогда, когда исследователь идет обратным путем, создавая на основании небольшого запаса известных ему фактов общее построение

ние. Только тогда им можно будет пользоваться, когда оно будет проверено указанным путем, т.е. собранием, сортировкой и критической поверкой материала.

Намеченные принципы критицизма впервые выработаны были в области изучения римской истории; создателем их является величайший критико-исторический ум начала XIX в. – Нибур. От него из области римской истории критицизм разлился широкой волною по всем областям исторического знания и сделался его незыблемым принципом. Всецело стоял на точке зрения Нибура и Моммзен.

Итак, первым требованием, которое Моммзен себе поставил, было тщательное собрание и проверка материала. Так как материалом для историка служат преимущественно тексты литературные и документальные, то требовалось и тщательнейшее изучение языка или языков, на которых эти тексты написаны.

Вторым отправным пунктом – и в этом дорожку показал Нибур – было изучать Рим не в его изоляции, а в тесной связи со всей Италией, которая дала мощь его государственности, и странами эллинского востока, которые создали его культуру.

В этих рамках Моммзен и принялся за соби́рание и проверку материала. Одна часть этого материала – литературная – была более или менее обработана и использована; большинство произведений римских историков было издано, многие оценены критически; новых путей пролагать было нечего, надо было идти по торной, хотя и трудной дороге выделения первоисточников литературных и документальных и оценки их.

Иначе обстояло дело в области материала документального, ценность которого в римской истории впервые была в надлежащей мере понята и выяснена Моммзеном по почину великого итальянского ученого маркиза Боргези. Документальный материал по истории Рима и Италии хранится не в архивах и библиотеках, а в музеях и руинах древних городов; это по большей части не бумажные и пергаментные оригиналы и рукописные копии документов разнообразного характера, начиная от закона и кончая купчей крепостью, а мраморные плиты и бронзовые доски, на которых публиковались во всеобщее сведение те документы, которые теперь лежат в архивах и публикуются при посредстве книг и газет; это так называемые *надписи*.

«Каменный архив» древнего мира, начиная от Востока и кончая Италией и Римом, издавна интересовал и внимательных путешественников, и пытливых любителей и знатоков старины. Со времени итальянского возрождения, когда все античное приобрело в глазах тогдашнего человечества такую огромную ценность, и эти мраморы и бронзы, покрытые буквами и словами, дававшими связные тексты, где жители итальянских городов в своем городском патриотизме искали и находили связь между собой и своими предками, гражданами могучего Рима, сделались предметом общего внимания и соби́рания, их читали, списывали, собирали в сборники без проверки и критики, как попало, вычитывали из них то, что хотелось вычитывать путем искажений и добавлений, а если и этому упрямые камни не поддавались, фальсифицировали документы и на камне, и на бумаге, указывая в последнем случае на фантастические бронзы и мраморные доски, с которых якобы списан документ.

В таком виде находился каменный и бронзовый архив Греции, Италии и Рима в продолжении более четырех веков, и можно себе представить, что это были за Августовы конюшни. Проверка архива была крайне трудна. Камни лежали повсюду: ими украшали стены дворцов и сельских хижин, горами валялись они на дворах и полях, многое было уничтожено – пошло на грандиозные постройки Ренессанса или в печи для известки средневековья и Возрождения. В лучшем случае камни спали мирным сном в так называемых музеях, в дворцах и виллах знати, монастырей и церквей и всех городов Италии, начиная от Рима и Флоренции и кончая каким-нибудь *Vico Equense*.

А между тем какие сокровища хранил этот архив! Тут были и памятники прошлого отдельных итальянских общин на их языках: этрусском, осском, умбромском, фалисском и т.д., их законы светские и духовные, их календари, их договоры. Но преобладал, конечно, Рим и латинский язык. Начиная с VI в. до Р.Х., постепенно увеличиваясь в числе и разнообразии, двигаются ряды законов, магистратских распоряжений, советов, которые давал сенат магистратам, религиозно-сакральных предписаний, календарей,

хроник, уставов тех или других социальных групп, их постановлений, их петиций, почетных декретов тому или другому государственному деятелю и т.д., и т.д.

Такое богатство материала не было и не могло быть использовано теми, кто искал и полноты, и достоверности: характер случайности, недостаток аналогий для первичного даже объяснения и вечное сомнение в подлинности лишали материал половины его значения. Необходима была, и настоятельно, проверка, не менее необходимо было и методическое собрание. Задача была колоссальной трудности.

Надо было: 1) собрать и списать все оригиналы, где бы они ни были, 2) отделить настоящее от поддельного, 3) объездить и изучить все библиотеки и отыскать в них старые копии, 4) сличить эти копии с оригиналами, 5) выбросить фальсификации и искажения. Только тогда можно было сгруппировать материал по отдельным местностям. Для чего опять-таки необходимо было установить историческую географию Италии. И, наконец, только после этого можно и должно было определить время, установить содержание и определить значение документа. И только тогда можно было приступить к конструкции на основании материала, вводя его в общее здание исторической эволюции.

Моммзен не испугался колоссальности задачи. Чтобы сказать новое слово, нужен был новый материал. Для истории Рима, где все так темно и так спорно, каждая документальная крупинка была крупинкой чистого золота, сравнение с которой ярко показывало и то, чего мы не знаем, и то, как мало мы знаем якобы установленное и достоверное.

Юношей еще взялся Моммзен за дело, сначала один, затем с несколькими друзьями, наконец, с фалангой учеников, и к году его смерти весь материал был собран. В 30 с лишним огромных томах *in folio* лежат перед нами критически проверенные и сведенные материалы, более 100000 документов самого разнообразного характера.

С этим материалом в руках впервые явилась возможность говорить не только о политической, но и об экономической и социальной истории Рима, заполняя ее не гаданиями и фантазией, а строгими и точными данными. Являлась надежда на то, что может быть когда-нибудь можно будет приступить и к Риму с тем методом, который дал и обещает дать столько крупного и хорошего в изучении современности, — с методом статистическим.

Но надписи не поглотили Моммзена даже как собирателя и первоисследователя материала. В библиотеках рылся он, не только отыскивая старые копии с надписей, в музеях искал он не одних камней. Не один документ позднего времени, важный для истории эпохи падения Римской империи, не одна серия рукописей, дававшая вместо полуфантастического проверенный текст, прошла через руки гениального исследователя, и результатом было появление критического твердо обоснованного текста наших юридических источников, источников, иллюстрирующих аграрную эволюцию, и ряда источников чисто исторических.

В музеях внимание Моммзена привлекали после надписей прежде всего — монеты, этот важнейший показатель экономической жизни того народа, которому они принадлежат, это средство, которое впервые создало возможность мирового обмена и мировой торговли, этот свидетель политического роста государства в ущерб другим ранее самостоятельным, это отражение — в надписях и изображениях — политической истории народа, его религии, его легендарного прошлого, его художественного умения и хотения. Моммзен был первым после Эххеля, который поставил нумизматику на твердую базу изучения не только с исторической, но и с экономической точки зрения. В широких рамках его исторического понимания монеты заговорили и сказали нам столько, сколько мы от них и ожидать не могли. И эти памятники занимали Моммзена до последних дней его жизни. Когда ему в день 80-летней годовщины со дня его рождения друзьями и почитателями поднесен был довольно значительный капитал, он отдал эти деньги на дело создания такого же общего сборника монет, каков был его *Corpus* надписей. Около этого дела железная энергия гениального старца сплоти-

ла академии всех народов, и Моммзен умер, уверенный, что дело пойдет вперед в руках его учеников и коллег.

Все это нагромождение и первообработка материала были для Моммзена лишь средством для достижения высших целей. Изучение языка Рима и языков Италии, изучение документального материала, издание памятников литературы, исследование вопросов хронологических, метрологических, грамматических, юридических, военных, административных, религиозных, литературных вело его к одной главной цели – восстановлению в могучем синтезе прошлого Рима в рамке его предшественников и с проницательным взглядом в будущее.

Этим мы переходим от характеристики анализа Моммзена к попытке дать хотя бы намек на силу и остроту его синтеза.

Результатами синтеза были его «История Рима» и его «Римское государственное право».

Первое произведение в 4 томах (I–III и V) выдержало уже восемь изданий. Редко встречаешь человека, интересующегося историей не только в Германии, который бы не читал этого произведения, нет, кажется, языка (конечно из языков культурных), на который оно не было бы переведено. Это одно доказывает, что «Римская история» не только великое научное произведение, но и крупное литературное создание. Нет, может быть, на немецком языке другого такого труда, где бы сочетались так гармонично мастерство литератора, истинного художника слова, с колоссальным даром научного синтеза и анализа. Вряд ли найдется такое историческое произведение, в которое при полной научности построения влито было столько художественной индивидуальности и творчества и в картинах, и в сравнениях, и в характеристиках. Живыми были для Моммзена великие деятели Рима, живыми были для него и великие исторические процессы, живы они и для читателя «Римской истории». Кто раз прочел характеристику жизни и деятельности колосса – Цезаря, тот не забудет ее никогда, хотя бы образ Цезаря и показался ему иным при дальнейшем изучении его деятельности*. Как к живым современникам относится Моммзен к деятелям минувшего: хула и хвала обычный его прием, едкая ирония и сарказм обычное его оружие, и кажется, что не только Фабиев, Цицеронов, Помпеев и Цезарей видит перед собой Моммзен, но и деятелей современного ему мира и Германии.

Эта индивидуальность и художественность сделали то, что по книге Моммзена учились не только истории Рима, но почерпали из нее и политические идеи, и многие замечания его об абсолютизме и демократии, об олигархии и аристократии и теперь еще звучат, особенно для нас, живым упреком и глубоким поучением.

Но все это не в ущерб научности и полноте содержания. Впервые из рук мастера вышла вся история Рима. Его материал обязывал его к полноте, а современная жизнь с новыми запросами и вопросами требовала ее от него. Его великий предшественник Нибур и современная ему историческая наука властно указывали ему, что историк должен знать и понимать все: и политику, и государственное право, и политическую экономию, и основы социальной науки. Создать все эти рубрики и для Рима было не трудно, трудно было заполнить их надлежащим содержанием. Из современников Моммзена этим содержанием обладал один он, и он наполнил этим содержанием полупустые до него рубрики социальной, экономической, культурной и государственно-правовой истории Рима.

Цельный образ предстал благодаря ему перед нами – образ города на Тибре, города неустанно идущего вперед, сливающегося с Италией, затем со всем тогдашним миром, и мы начинаем понимать, как и почему это было так.

*Интересно свидетельство в этом отношении одного из самых крупных историков древности О. Hirschfeld'a в его речи по поводу 80-летнего юбилея Моммзена, речи, напечатанной только теперь после смерти Моммзена (Der Zeitgeist. Beiblatt к Berl. Tageblatt от 30 ноября): «Не могу забыть я того глубокого впечатления, которое оставило на нас учеников чтение нам нашим учителем истории характеристики Цезаря из только что появившегося третьего тома «Римской истории». История Рима сразу перенеслась для нас из тумана прошлого в яркий свет современности: она сделалась для нас, я бы сказал, событием» (прим. М.И. Ростовцева).

История разложения этого могучего организма под бременем императорского абсолютизма Моммзен не дал; ряд картин жизни отдельных провинций есть то единственное цельное, что дал он нам в области истории Римской империи. Но если история Римской империи будет когда-нибудь написана, то этим мы будем обязаны тому же Моммзену. Он не дал цельного образа, но элементы этого образа найдутся у него полностью. Вся почти жизнь Римской империи рассказана им в сотнях отдельных статей: тут и аграрный строй, тут и военная организация, тут и история социальных групп – сословий, обществ и т.п., тут и администрация в ее эволюции от Августа до Византии, тут и литература в лице отдельных ее корифеев, тут и отдельные носители власти и характеристика отдельных эпох, тут и история религии в связи с государством от культа императоров вплоть до христианства и его мучеников. Синтеза всего этого, правда, Моммзен не успел или не хотел дать, и нам остается только преклониться либо пред железной рукой рока, либо перед волей гениального работника.

Свои взгляды на историю вообще Моммзен набросал особенно ярко в одной своей ранней работе о Швейцарии в римское время. «Нет истории без фантазии, но и не все то история, о чем угодно было фантазировать александрийским и современным филологам. Настоящее историческое исследование не стремится восстановить в возможной полноте мировой дневник и не желает снабдить примерами кодекс нравственности: оно ищет высот и общих взглядов и со счастливых пунктов в счастливые часы ему удастся взглянуть вниз на неизменные законы необходимости, которые вечно и твердо стоят, как Альпы; удастся взглянуть и на разнообразные страсти людей, которые окутывают эти Альпы, как облака, не изменяя их. Эту картину трудно передать тому, кто не вззошел с вами на гору и не осмотрелся сам в этом чуждом ему мире; в лучшем случае ее можно воспроизвести неясно и неполно. Дерево науки приносит, как дерево Гесперид, свои золотые яблоки только тем, кто сам их срывает для себя; другим можно их показать, но не дать».

История Рима была, однако, только одной частью дела жизни Моммзена и, может быть, даже только подготовительной частью. Его главный труд – это «Система римского государственного права». Здесь Моммзен развернул все то колоссальное знание, которым он обладал, здесь он показал и школу строгого юриста, и пытливость и комбинационный дар глубокого лингвиста, и понимание великого историка. В трех томах его «Системы» восстает и оживает перед нами весь строй Рима, глубоко неизменный в его основах, но окрашивающийся то в тот, то в другой цвет под влиянием тех или других условий. Как веки стоят в римской государственности понятия магистратуры, магистратской власти – духовной и светской, сакральной и политической городской черты, концентрируются на наших глазах функции сената и магистратур, функции революционного трибуната с разрушительной, но оплодотворяющей властью, функции народа в его собраниях, и результатом этой концентрации является не теоретическая схема, а жизненный обзор римской конституции, которая так органически выросла из римского народа с его историей, экономическим и социальным укладом.

Но наступает грозная эпоха революции, трещит и ломится устаревший остов республиканской конституции, монархический Восток навязывает свою государственность, мир ищет единства государственности и власти. Упругий организм римской вековой конституции не поддается, много брешей, много щелей, вода хлещет в них, но традиция сильна и спасти ее надо. И создается компромисс, компромисс старой конституции с новым в Риме монархическим началом, компромисс, сущность которого первый уловил Моммзен, которому он дал имя принципата.

Сноп света пал на всю римскую историю, лишь только открылись наши глаза на это государственно-правовое образование. Мы поняли, откуда шли эти потоки крови, залившие Римскую империю, мы поняли, чем были обязаны принципату провинции и чем он держался, мы поняли, как временная двойственность должна была мирно или насильственно перейти в единство, мы поняли также, почему это единство было только единством власти, а не единством культуры, почему мир раскололся надвое и создались, с одной стороны, романские государства Европы и, с другой, Византия с ее пре-

емницей. Теория принципата была откровением, и как таковое она и сознается более вдумчивыми и добросовестными историками Рима.

Нечего и говорить, что основные идеи великого государственно-правового синтеза Моммзена так обставлены анализом, так искусно составлены из массы аналогичного материала, так строго логически проведены при посредстве точных и ярких терминов и понятий, так ясно и сжато изложены чисто юридическим конкретным языком, что все 5 томов стоят перед нами, как одно целое, как один великий памятник гениального творчества.

Для завершения дела Моммзена – выяснения всего, что характеризовало бы римскую жизнь как жизнь государства по преимуществу, не хватало еще одного – полного и ясного определения отношения государства к тому из его граждан, кто нарушал его интересы и признанные им нравственные законы, – не хватало системы римского уголовного права. Закончив систему государственного права, Моммзен, уже в возрасте более 70-ти лет, когда большинство думает о покое и могиле, берется за новый колоссальный труд – систему римского уголовного права; в 1899 г. и этот труд – том в 1000 с лишним страниц – был закончен и дал нам такую же стройную, прозрачную, научно живую картину, как и прежние работы.

Последней великой работой синтеза, за которой застала его смерть, была попытка восстановить совместно с А. Гарнаком ряд образов важнейших деятелей позднеримской истории. Одновременное издание важнейшего юридического памятника позднего Рима – Феодосиева кодекса – показывает, что эти характеристики должны были возникнуть в рамках изучения позднеримской государственности, что подтверждают и последние статьи Моммзена, и краткий очерк этой государственности в кратком изложении Моммзеном своего «Государственного права».

До последних часов своей жизни Моммзен не переставал работать и творить; за всю свою жизнь он не написал ни одной строчки, где бы не было творчества и самостоятельного труда, из 30000 написанных им страниц, в более чем 1000 трудах нет ни одной, которая не обогатила бы нашего знания или мира наших идей. Перед такой жизнью и такою деятельностью нам, скромным рядовым, можно только преклониться, преклониться перед этой седовласой тонкой и резкой головой, перед этим тщедушным, теперь мертвым телом, в котором жило бессмертное творчество, бессмертные идеи и железная беззаветная энергия, соединенная с проникновенной любовью к свободе, культуре и науке.

М. Ростовцев